

ПРИМОРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Антонина Глушко

Антонина Глушко

Приморская элегия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21148212
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Зоя в прошлом зоотехник-ветеринар, с уничтожением реформами родного государства сельского хозяйства, как и многие сельчане остается без работы. Поля зарастают сорняками, животные уничтожены. Кто мог подаются в город на поиски работы. От безысходности, Зоя оставляет в деревне своего ребенка с матерью, и отправляется во Владивосток на поиски работы. Там она находит работу в питомнике по разведению собак. С одним из их кинологов происходит страшное событие. Его жестоко избивают бандиты. Он становится глубоким инвалидом. Зоя принимает активное участие в его жизни. Надеется вернуть ему здоровье. Но не все так просто. А в это время. В далекой Австралии, в городе Сиднее живет и работает миллиардер Алекс Доде Бутлер. Судьба необычным образом связывает Зою с этим человеком. Казалось бы все должно быть хорошо. Вот только страшная Зоина ложь не дает ей покоя. Она понимает в случае ее признания во лжи – многие становятся несчастными. В случае же ее умолчания, напротив, она многих делает счастливыми. Какое же она принимает для себя решение, и что за этим последует?

Содержание

ЧАСТЬ 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Антонина Глушко

Приморская элегия

ЧАСТЬ 1

САНЬКА

Санька сгоряча вскочил на ноги, мотая головой, словно лошадь на водопое, но тут же снова грохнулся на землю. Однако сознание не покинуло его, несмотря на полученный удар от сильнейшего взрыва. Тот ноющий звук «Тью – у – у – у» он не только услышал, а даже, как ему показалось, увидел. За два года войны хорошо научился различать все звуки смерти. На этот раз прилетела мина, коварнейшая из смертей, настигающая бойца в самых неожиданных местах.

Он догадался, его сильно контузило. И тут же обожгла тревожная мысль: где Артур, ведь они были рядом? Санька с трудом приподнялся на колени, стал судорожно разгребать землю вокруг себя, надеясь обнаружить своего друга. Вдруг рядом с его руками появились грубые чужие ботинки. От неожиданности он свалился набок. Поднял глаза и увидел перед собой трех немецких солдат. Один из них ткнул его автоматом в спину, и что-то сказал, по-видимому, при-

казывая встать.

Опираясь на руки, Санька с трудом приподнялся и, оглядевшись, понял, фланг их полностью разбит, немцы сгоняют пленных, а раненых пристреливают тут же на месте. Немец снова ткнул его автоматом, знаками показывая идти к кучке солдат, сбившихся под присмотром таких же вооруженных фрицев, как и его конвоиры.

Спотыкаясь, он поплелся навстречу своей тяжелой судьбе. У высокого рыхлого от взрыва мины холма, несчастный вдруг заметил, торчащие из земли ботинки со знакомыми подошвами.

Совсем недавно они с Артуром упросили сапожника, солдата из соседней роты за пачку сигарет подбить подошвы у прохудившихся ботинок. Тот обувку починил, но набойки сделал из красного немецкого каучукового материала, который фрицы использовали для упаковки оборудования, требующего осторожной транспортировки.

Не обращая внимания на немцев, Санька грохнулся на колени, и принялся судорожно разгребать землю, высвобождая засыпанного товарища.

– Сейчас, Артур, сейчас я тебя откопаю, потерпи, немно-

го! – с трудом ворочая языком, хрипел он на родном языке друга, совершенно не слыша своего голоса.

Тот лежал лицом уткнувшись в землю, не ясно было, жив ли он вообще. Перевернув товарища на спину, Санька ухом приник к его груди. Сердце слабо, но билось. От счастья он даже заплакал, размазывая по лицу грязные слезы. Немцы с интересом наблюдали, как смертельно пришибленный солдат, на подгибающихся ногах пытается приподнять бесчувственного товарища на плечи.

– Австралиец? – спросил один из конвоиров контуженного, но тот молчал, бессмысленно уставившись на немцев. Фрицы о чем-то полопотали между собой, по-видимому, поняли, что солдата контузило, и он их не слышит.

Они указали Саньке в сторону небольшой кучки солдат, расположившейся невдалеке под охраной всего одного немца. Некоторые из пленных сидели, некоторые лежали, но самое удивительное – сам охранник сидел рядом с одним из пленных и о чем-то мирно с ним беседовал.

Однако этого Санька ничего не видел. На последнем издыхании доковылял он до маленького лагеря, и стал бережно спускать Артура с плеча. К нему тут же кинулись несколько пленных, помогая уложить раненого на землю. Один из них

расстегнул ворот гимнастерки Артура, приподнял ему голову и поднес к запекшимся губам флягу с водой. Вода покапывалась по грязной щеке бойца, губы дрогнули и, несколько капель живительной влаги были судорожно проглочены.

Сам Санька без сил валялся на земле тут же рядом, понимая, что ему самому нужно было напоить беспомощного товарища водой, однако на это не было ни сил, ни возможности пошевелить рукой. Единственное на что его хватило: мысленно поблагодарить солдат.

Перевалившись на бок, опираясь на обе руки Санька заставил себя приподняться и сесть. Огляделся, посмотрел на товарищей по несчастью и только сейчас понял, что находится среди австралийских пленных. Немцы его приняли за австралийца, когда он на языке друга звал Артура, выкапывая того из-под земли.

Теперь Саньке было все безразлично. Главное дотащил дорогого своего человека до тех, которые не бросят его, помогут выжить, о себе он не думал вообще.

Взглянув на друга, всё также лежавшего без жизненных признаков, он снова повалился на землю в беспамятстве. Сил не было, а вот мысли продолжали работать, и были те мысли направлены на его боевого товарища, верного друга

и соратника – австралийского солдата Артура Доде Бутлера.

Преодолевая смертельную слабость, Санька, беспокоясь вновь приоткрыл глаза, с усилием повернул голову в сторону друга и увидел, что над ним лопочет пленный австралиец, по повадкам похожий на медика. Успокоившись, он закрыл глаза и провалился в прошлое.

Перед ним встала картина почти двухлетней давности их встречи с Артуром. Политрук, построив в шеренгу бойцов, приказал всем привести себя в порядок, к ним на помощь прибывают дружественные части австралийской Армии.

– Смотрите, мне, чтобы все были похожими на людей, а не на шайку оборванцев, – строго напутствовал политрук своих доблестных воинов, успешно отступавшим уже который день. – Соберитесь, настройтесь и вместе с австралийцами зададим фрицам жару, они тоже не любят немчуру, – вел патриотическую агитацию политрук среди бойцов своего подразделения.

– Товарищ политрук, – обратился к нему солдат с замурлышно-деревенским видом, – а кто это такие австралийцы?

– Может это негры? – высказал свое предположение другой боец, считающий всех кроме русских неграми.

– Вот приедут, и посмотрим, – доходчиво и обстоятельно объяснил политрук, в недавнем прошлом избач в глухой сибирской деревне Сосновка с образованием в семь классов, прошедший ускоренные курсы политруков за две недели в прифронтовой штаб-землянке.

Прислали его сюда неделю назад взамен погибшего героя-политрука, поведшего свой отряд с зажигательными бутылками наперевес против немецких танков. Танки остались целыми, а политрук-патриот сложил свою верную головушку за Родину, за Сталина вместе с такими же патриотами, вверенными ему в подчинение.

Рано утром их всех умытых и подштопанных выстроили вдоль наскоро вырытых окопов и приказали ждать союзников. Завтрак все равно запаздывал, так хоть в строю постоять можно, тем более кто-то передал по хрипящей рации политруку, что те уже на подходе.

Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как из-за рощицы, что виднелась невдалеке, показалась колонна крытых грузовиков. Кто там ехал, не разглядеть, но так как ожидали австралийцев, то все и решили, что едут это именно они.

Машины подъехали как-то весело, такие чистенькие и новенькие, что советские солдаты сразу приободрились и поверили в слова политрука, что именно австралийцев им для победного наступления и не хватало и, что теперь то они зададут фрицам жару.

А когда из обтянутых брезентом кузовов посыпали, словно горох военные, одетые в необычную для глаза русского солдата форму, политрук вместе со своими бойцами подумали: «Ну и ну вот это да». Австралийских и советских солдат выстроили в шеренги напротив друг друга, так что каждый мог хорошо рассмотреть стоявшего напротив.

Напротив Саньки, оказался молодой, по всей вероятности ему ровесник, австралиец, такого же высокого роста, но самое удивительное, сильно смахивающего на него лицом и, даже волосы у того оказались такие же светлые, как у него самого.

Если бы не различие в военной форме их можно было за просто принять за братьев. Сами они, взглянув друг на друга, громко рассмеялись, да так, что им сделали замечание командиры с обеих сторон.

С того самого момента и началась их крепкая настоящая мальчишеская дружба, не зависящая от их разноплеменной

принадлежности. Разговаривали они на разных языках, однако это вовсе не мешало им прекрасно понимать друг друга.

Недопонимание говорившего на чужом языке, вызывало дружный смех обоих.

Санька в школе изучал немецкий язык и закончил десятилетку, как и все советские школьники, с минимальным его объёмом. Английскую речь в живую ему вообще не пришлось слышать за свою короткую жизнь.

Зато Артур успел за полгода нахождения в Советской Армии усвоить несколько русских слов, ими он пользовался и к месту и ни к месту, но большею частью невпопад. Что также вызывало у друзей безудержное веселье.

В короткие минуты передышек между боями, сидя в окопе, они упражнялись в освоении незнакомых языков. К концу третьего месяца совместного фронтового интернационального братства друзья уже сносно разговаривали друг с другом, переходя с одного языка на другой в своих нехитрых беседах.

Советский политрук-избач тут же использовал Санькино «знание» английского языка в пропагандистско-агитационной работе среди австралийских солдат в пользу цветастой раскраски советской жизни. Однако, из-за скудости словар-

ного запаса «пропагандист» ограничивал собственную агитацию рамками усеченных вариантов русских народных сказок типа: «Куручки – рябы» и «Колобка».

Чужеземцы слушали с большим вниманием рассказы советского бойца, не понимая ни единого слова из его повествования. Причина была в том, что сам «агитатор» не знал, как будет по-английски «колобок» или «курочка-ряба», и как объяснить иностранцам, что же это такое.

Из Санькиной агитационной речи выходило, что вовсе не яичко снесла ряба, а что-то абстрактно непонятное не доступное восприятию союзников. Колобок у него, и вовсе был загадочным самопередвигающимся шаровидным объектом, неизвестного происхождения, чем вводил в справедливое заблуждение добросовестных слушателей, недоумевающих, как его могли изготовить пожилые люди.

Однако на лицах иноземцев была заметна заинтересованность. Правда, они не догадывались с какой целью им предлагался рассказ солдата.

Во время подобной Санькиной «агитационной пропаганды» Артур катался по земле от смеха. Тот не обижался на друга. Ведь они оба понимали, что валяют дурака.

Политрук-избач не мог знать, о чем повествует его боец перед дружественным союзническим военным контингентом, по причине полного непонимания английского языка. Австралийский командир по той же самой причине – не понимания русского.

Почти два трудных военных года, наполненных радостью наступления, горечью поражений и отступлений, вместе со всеми честно и самоотверженно выполняли друзья свой воинский долг. Один защищал свою Родину, второй исполнял интернациональную повинность.

За все военное лихолетье они никогда не расставались. Даже в атаке всегда шли рядом, прикрывая друг друга от огня. Их дружба настолько скрепила обоих, что каждый из них уже не может представить свою жизнь, без другого.

Постоянное общение с австралийским товарищем дало Санька возможность не только свободно разговаривать на его родном языке, но и довольно сносно производить письменные начертания, правда, с большими издержками в грамматике.

Артур в свою очередь так же проявил довольно резвую прыть в овладении русского произношения, и в его начертании. Теперь друзья, дурача товарищей по оружию, с той и

другой стороны могли изъясняться на любом для них языке. При этом получалось это у них вовсе не обидным для товарищей, а напротив, очень даже забавным.

В бою, словно Господь оберегал их обоих: не ранены, не погибли в этой нечеловеческой мясорубке. Хотя сколько их товарищей полегло на полях сражений! А сколько их отправлено в госпитали искалеченных, истекающих кровью, и навсегда потом, оставшимися инвалидами. По натуре добрые и сердобольные они тяжело переживают каждую потерю из однополчан. Все это легло глубокими шрамами на их юные сердца.

Им всего по двадцать календарных лет, но это уже были взрослые, закаленные огнем ВОЙНЫ мужчины, с большим жизненным опытом, которого хватило бы для сорокалетнего человека в мирное время.

И вдруг этот плен!

Санька открыл глаза, повернув голову, посмотрел на Артура. Тот все также лежал, словно спал. Возле него стоял теперь не только тот, которого Санька посчитал за врача, но, как это ни странно и немец с автоматом. По всему видать немец не собирался пристреливать раненого. Стоя рядом они о чем-то тихо переговаривались, посматривая на ле-

жащего Артура.

Опираясь руки, Санька с трудом заставил себя сесть. У него такое состояние, словно его пропустили под асфальтовым катком. Ни одной здоровой клеточки не было в теле, которая бы не болела. Тот, которого он посчитал за врача, что-то сказал немцу и, подойдя к Саньке, присел возле него на корточки, о чем-то спросил, об этом можно было догадаться по движению его губ. Контуженный оставался безучастным.

Врач, приподнял ему голову за подбородок, поочередно оттянув каждое веко, внимательно всмотрелся в глаза. Повернулся к немцу, и, не вставая с корточек, что-то тому сказал. Тот в ответ кивнул головой. Санька понял, что это действительно врач, помогавший Артуру и, по-видимому, определил Санькину контузию.

Вдруг все засуетились. Стали вставать, помогая, друг другу. Контуженный Санька не слышал, как к их небольшой группке пленных подошли два больших военных грузовика. Это были машины неизвестной ему марки. Тупорылые, словно с обрезанными капотами и с высокими квадратными кабинами. С нечеловеческим усилием он заставил себя встать, когда увидел, что из кабины выскочили два немца и кинулись открывать задние борта у грузовиков.

Откинули металлические лесенки – трапики, один из них махнул рукой охраннику, давая команду загружаться.

Первыми, забрались по лесенкам в кузова более сильные пленные, они принимали слабых и раненых, усаживая их вдоль решетчатых бортов на деревянные лавки. Санька, наклонившись к другу, подцепил безжизненное тело под мышки и, покачнувшись, стал забрасывать к себе на плечо, но сил не хватило. Тогда он просто поволок его к машине по земле.

На помощь поспешили врач с немцем, подхватили Артура за ноги, помогая дотащить до машины, приподняли и подали вверх.

Там его положили на пол кузова. Самому Саньке помогли забраться по лесенке. Усадили на бортовой скамье напротив головы друга, лежащего все также без сознания. Погрузка быстро закончилась, и машины медленно двинулись с места.

Оглядевшись по сторонам, он увидел вдалеке длинную колонну советских пленных, сопровождаемых вооруженными немцами с собаками. Только позже он узнает, почему сам не оказался в той колонне, со всеми своими однополчанами. Его просто посчитали за австралийца, когда он бормотал на языке друга, выкапывая того из-под земли.

К австралийской Армии у немцев было особое отношение. Общество «Красного креста» согласно меморандуму австралийских военнопленных забирало и отправляло на нейтральную территорию. «Соглашением» предписывалось: попавшие в плен, а затем помещенные в приемники «Креста» не имели права вновь возвращаться к участию в боевых действиях.

Проще говоря, для Саньки и для тех, кто сидел с ним в кузовах этих машин, война окончилась. Милосердно и никаких лагерей. Жаль, что «Соглашение» распространялось лишь на австралийских солдат. Родина не забывала их ни на миг. И в случае беды спешила им на помощь.

Машины уже ехали по улице разрушенного города. В кузове стало немилосердно трясти. Голова Артура моталась из стороны в сторону и билась о днище, при каждом скачке машины на ухабах. Преодолевая боль и смертельную слабость, Санька с трудом стянул с себя грязную порванную гимнастерку и, скатившись на колени, подложил ее под голову друга.

Приподняться, чтобы сесть на место, на бортовое сиденье сил у него не хватило. Так и сидел рядом с товарищем на досках, удерживая его голову от сильных толчков, пока не почувствовал, что машина остановилась. Они подъехали к

железнодорожному вокзалу.

Немец, ехавший с ними в кузове, перелез через борт машины, опершись ногами на заднее колесо, прыгнул на землю. Поддерживая автомат на груди, побежал к кучке военных, стоявших у первого вагона санитарного поезда, наблюдавших за погрузкой раненых.

Из кабины их грузовика выбрались двое немцев и тоже отправились в сторону первого вагона. Там, по-видимому, получив команду, быстро побежали к зданию вокзала, и тут же выскочили с санитарными носилками, придерживая их за боковые ручки. Прибежавший охранник отдал команду перегружаться в вагоны.

В кузове засуетились, стали спускаться по тем же трапикам через открытые задние борта.

Все пленные покинули машину. Санька, схватившись за бортовую лавку, с трудом привстал на колени, а потом встал и сам. Подцепив под мышки Артура, потянул его к краю заднего борта. В машину заскочили двое немцев из кабины с носилками, уложили раненого, пододвинули носилки к краю кузова и подали их, стоявшим внизу пленным, при этом что-то сказав им, видать была отдана команда – идти к вагонам.

Четверо австралийцев, взявшись, каждый за ручку носилок, быстрыми шагами заспешили за немцем. Саньке помогли спуститься с лесенки и, поддерживая его под локти, повели вслед за жиденькой кучкой пленных. В вагоне их разместили с Артуром на нижних полках. Над Санькой улегся пленный австралийский врач, на верхней полке над Артуром расположился не знакомый Саньке солдат.

Минут через пятнадцать после отхода поезда к ним в купе пришли двое. По виду военные врачи. Оба были одеты в белые халаты. Один из них в руках держал медицинскую сумку. Они о чем-то говорили с пленным врачом, спрыгнувшим с верхней полки, и теперь все они стояли в проходе у столика.

Немцы слушали пленного, попеременно посматривая то на Артура, то на Саньку. Видать австралийский врач объяснял ранение солдат. Удовлетворившись, услышанным немецкий врач разложил содержание своей сумки на столике и принялся готовить инъекции.

Второй, начал осматривать Артура, оттянул поочерёдно каждое веко и что-то сказал коллеге. Тот кивнул головой достал ампулу, отломав верх, набрал в шприц препарат и ввел Артуру препарат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.